

Пространственное воображение и правила игры

Игра в города: по материалам экспедиций в малые города Беларуси (2009).
Т. Водолажская (ред.). Минск: И.П. Логвинов. 218 с.: ил.

Полагаю, надежной установкой по отношению к этой книге будет считать ее не столько встроеным в научные и академические диспозиции исследовательским текстом, сколько попыткой политизировать термины «город» и «городское развитие». Авторы старательно и убедительно показывают, что представленный в книге материал – это лишь один из результатов интенсивной интеллектуально-проектной биографии Агентства гуманитарных технологий (АГТ), а именно результат исследования условий, возможностей и экспериментов в русле культурной политики как программирования «жизни» норм культуры в их трансляции и реализации (с. 9).

Исходя из формулировки Владимира Мацкевича и Татьяны Водолажской во введении к изданию, реализация культурной политики предполагает работу с «материалом»¹ одновременно в пяти разных слоях или планах. Во-первых, это план норм, эталонов, образцов и прото-

типов деятельности. Во-вторых, это план трансляции норм, эталонов и образцов деятельности. В-третьих, план ситуации, в которой реализуется деятельность. В-четвертых, план реализации норм. И, в-пятых, это план действий и актов деятельности (с. 13–14). Для авторов важно то, что деятельность в русле культурной политики должна происходить комплексно, т. е. во всех пяти пластах одновременно, что также предполагает активное отношение исследователя к своей исследовательской проблеме.²

Другими словами, если мы оцениваем установки и результаты таких исследований, «речь идет не об объективной природе вещей, а о знаниях о сопротивлении материала тем или иным действиям» (с. 14). В рамках данного проекта сопротивлением материала, по всей видимости, является сложность «реализации в Беларуси нормы городской культуры» (с. 18). В результате авторов не устраивают существующие определения города (дисциплинарные или

¹ Здесь, тем не менее, не хватает четкого определения того, что авторы понимают под «материалом».

² Больше о последнем аспекте см.: Водолажская, 2009: 40–42.

отраслевые), т. к. «все они применимы в ограниченной среде и могут противоречить друг другу», предполагая «некоторый набор характеристик, которые приписываются "городу" в той или иной ситуации, для решения тех или иных задач» (с. 19). Сами авторы предпочитают говорить о критериях «организации городской жизни, которая делает город городом» (с. 19). И, как объясняется далее, именно «многообразие образов жизни и их согласование образует собственно городскую среду и городскую культуру» (с. 23).

Исходя из целей книги – а также ее интеллектуального и деятельностного контекста – в рецензии будут реконструированы горизонты политизации терминов «город» и «городское развитие». Кроме этого, мы попытаемся оценить потенциал представленной модели политизации и определить ее значение для актуальных городских исследований в Беларуси.

Что касается первого пункта, можно говорить, что базовым горизонтом политизации, которую предлагают авторы, является **нормативное измерение модернизации, выражающееся в «смысле» или «идее» «города как такового»**. Это измерение является проблематичным в его приложении к «материалу», который исследователи нашли и с которым взаимодействовали в малых белорусских городах. Как пишут

авторы, «идея города немислима без прав и свобод горожан и без организованного ими самоуправления» (с. 22), которые ведут к определенным стандартам, где ключевыми являются категории «качество и образ жизни», а сами стандарты задаются практическим согласованием свойств этих категорий (с. 23).

Из такой перспективы самым общим посылом книги является сообщение об **эффектах властной вертикали**, которые фиксируются и анализируются в масштабе малого города. Вертикаль в данном случае – сложившаяся в рамках государства иерархия социально-пространственных масштабов, которая воспроизводится и поддерживается установками и практиками социальных игроков и институтов.

Значимость термина «вертикаль» в объяснении городской динамики Беларуси может частично оспариваться и детализироваться.³ Но в целом авторы исходят из того, что белорусский вертикальный тип городского развития относительно успешно решает запрограммированные задачи, но не предполагает актуализации белорусских «городов» в качестве городов, а «горожан» в качестве горожан.⁴

Новизна подхода авторов заключается в том, что отчеты о восемнадцати экспедициях, а также попытки систематизировать данные (в подавляющем большинстве случаев каче-

³ Например: Егоров, 2009b.

⁴ Более подробно и доступно об этом в статье «История взлета и падения Мстиславского феста» (которую можно было бы также назвать этнографическим пассажем): Егоров, 2009a.

ственные) позволяют реконструировать то, каким образом вертикальная модель организации реализуется в рамках отдельных населенных пунктов, а не *между* отдельными местоположениями (как это обычно представляется). В этом смысле «Игра в города» – это открытая база данных для многих типов читателей,⁵ где отчеты и аналитические статьи (с. 116–182) должны служить толчком для дальнейших исследований и уточнения.

Тем не менее, работа авторского коллектива с накопленной базой данных может быть предметом критики. Самая важная проблема видится в том, что нормативное измерение модернизации, в которое помещаются интеллектуальный и деятельностный план реализации культурной политики в среде малых городов, во многом обедняет диагностику проблем урбанизации в Беларуси. В частности авторы прилагают относительно мало усилий для того, чтобы концептуально «заземлить» в территориальных объектах конкретные наблюдаемые процессы, а книге не хватает размышлений о социальной структуризации пространства и обратном влиянии пространственных структур на социальные отношения. Кроме этого, при обсуждении уже сложившихся структур – например, отношения городов с другими территориальными формами (с. 154) – нормативное понимание города во многом блокирует дальнейшие рассуждения о качественных отличиях

между различными социально-пространственными единицами и о необходимой «инфраструктуре» для поддержания этих отличий.

Восприятие пространственных структур как второстепенных по отношению к реализации «идеи города» выглядит радикально модернистским. В таком случае категория пространства значит гораздо меньше, чем категория времени, и в результате выхолащивается конструкт города. К примеру, Оксана Шелест пишет о том, *«что (в подавляющем большинстве случаев) город для его жителей является скорее «рабочей слободой», чем собственно «городом»»*. И далее: *«В такой системе представлений обсуждение города как некоторой самостоятельной целостности, существование и развитие которой может зависеть не только от развития промышленности, которое зависит, в свою очередь, от системы распределения ресурсов на областном или республиканском уровне, становится невозможным»* (с. 138).

В приведенном фрагменте поднимается вопрос негативного влияния вертикали, но автор его далее не развивает, удовлетворяясь фиксированием отсутствия нормы городской жизни. Тогда как специфика производства, сектора услуг, жилищной политики, бюджетной сферы и т. д., тесно связанная в Беларуси со спецификой функционирования вертикали, вполне может политизироваться и требует подробного рассмотрения.

⁵ Например, статья Егорова «Малые города на фоне культурных катастроф» (Егоров, 2009с) – вполне программный документ для городских элит.

А особенности организации производства, даже будучи единственными источниками представлений жителей о своем городе, вполне могут быть базовым каналом политизации.

Схожая взаимозависимость установок и практик в городской среде, с одной стороны, и общей системы воспроизводства пространства в Беларуси, в которую включена эта среда, с другой, выявляются и в историях «противостояния» Турова и Житковичей, Давид-Городка и Столина: *«Например, жители Давид-Городка уверены, что все их проблемы связаны с тем, что город не имеет районного статуса (и эта точка зрения не лишена оснований). Однако поскольку решение о районном статусе принимается на совершенно другом уровне, равнодушным к настоящему и будущему своего города людям остается только жаловаться на «историческую несправедливость» или писать обращения в различные властные структуры вплоть до президента страны с просьбами исправить положение (при этом понимая полную безнадежность этих действий). Обсуждать же какие-либо иные перспективы развития города до того, как будет решен "основной" вопрос, считается бессмысленным»* (с. 138–139). И здесь точно так же акцент на нормативности не позволяет исследователям пойти дальше и конструировать условия возможности этого противостояния в его же терминах, т. е. в терминах организации пространства.

Отмеченная сосредоточенность авторов на нормативном аспекте города приводит к исключению анализа того, как своеобразие производства и структурирования пространства влияет на установки и действия (а не только наоборот). Это также приводит к склонности описывать то, чего участники экспедиций *не нашли* в среде малых белорусских городов, а не на то, что *нашли*. По отчетам заметно, что исследователи ехали в населенный пункт с довольно жесткими модернизационными установками и, таким образом, увидели именно то, что хотели видеть, т. е. определенный набор отклонений от «должного» функционирования городов. И описание, и концептуализация этих отклонений не всегда прозрачны: несоответствие нормам и эталонам очевидно, но что в реальности подменяет «ключевые нормы» – практически не анализируется. Иными словами, изначально сформулированные нормы развития городов блокируют попытки рассмотрения того, как города развиваются без этих норм, а белорусская модель урбанизации описывается скорее в терминах того, чего она не принесла.⁶

Более или менее сфокусированный качественный анализ конфигурации местной власти можно наблюдать только в отчете о Поставах (с. 104–110). В остальных частях книги сложно найти прозрачно представленные данные, которые бы полностью позволяли проследить, к чему именно приводит реализация вертикальной модели развития. Здесь интересны-

⁶ Хороший пример этому – отчет о городе Дисна (с. 95–100).

ми кажутся размышления об управлении зазором между «разрешенной» и «запрещенной» деятельностью как о ключевом моменте организации малых городов в целом, но им не хватает более подробного анализа данных, чтобы показать, каким образом достигается «беспроблемность» (с. 123–124). Полезным было бы более подробное рассмотрение реализации в городе международных программ (Глубокое, Брагин, Дисна) как важного фактора инструментализации такого «зазора». Скажем, в статье «Реализация и утилизация активности горожан» (с. 125–133), где приводится пример города Дисна, этот аспект кажется одним из ключевых, но практически не обсуждается.

То же самое можно сказать о нехватке горизонтальных связей и доминировании вертикальных, что рассматривается во многих частях книги, но наиболее детально – в статье «Неправительственные организации: формы жизни и выживания» (с. 161–168), в которой Леонид Калитеня пишет: *«Основная проблема в том, что их участники не замечают друг друга, не видят в коллегах из другой организации потенциального ресурса, который мог бы быть использован ими для своей деятельности, они стараются выживать поодиночке, не объединяясь для решения каких-либо задач. Почти в каждом городе нам удавалось познакомить друг с другом представителей нескольких организаций или инициативных групп (в Щучине, Сморгони, Ганцевичах и т. д.)»* (с. 165). Более тонкое описание этого процесса открыло бы читателю многие интересные и менее

диагностические детали касательно специфики встраивания неправительственных организаций в локальные сообщества. Дополнительным случаем может быть ситуация в Сморгони, где авторы обнаруживают *«достаточно грамотную политику местных властей: в настоящее время никакого особенного прессинга с их стороны не испытывают даже наиболее известные из "бывших оппозиционеров", им не мешают вести бизнес и т. д.»* (с. 83). Интересным было бы дальнейшее исследование особенностей такого консенсуса, как и «утилизации» НГО и партий в Поставах (с. 107).

В результате, несмотря на органичное встраивание в концепцию книги в целом, а также значимость для дальнейших исследований белорусских городов, отчеты об экспедициях слишком описательны (часто похожи на заметки путешественников), а описываемые там сюжеты помещаются в слишком жесткую схему интерпретации. Причем складывается впечатление, что эта ситуация является не столько результатом ограниченности в ресурсах исследовательского коллектива, на которую ссылаются сами авторы, сколько следствием того, что главным горизонтом для них является нормативное измерение модернизации, подтверждение чему можно найти как в обосновании проекта, так и в совсем мелких деталях представления данных. К примеру, читателя с антропологическим бэкграундом очевидно будет раздражать навязчивое использование клише в духе «при-

личный ресторан» или «приличное кафе».

В то же время отчеты предлагают перспективу для дальнейшего размышления и генерирования понятий, особенно если описываемые там детали даются в исторической перспективе. Речь здесь идет не об истории города в традиционном смысле, но о биографиях отдельных проектов, важных, с точки зрения авторов книги, для фиксации норм городской жизни или их отсутствия. Примеры – истории реабилитационного центра в Турове (с. 56–61) и дударской инициативы в Лепеле (с. 110–117), а также статья «История взлета и падения Мстиславского феста» (с. 175–182). Кроме того, эти биографии позволяют более надежно судить о том, каким именно образом исследователи «воздействовали» на материал, и каким образом в каждом конкретном случае «материал» сопротивлялся. Также неплохо было бы посвятить отдельную статью поведению информантов, например, регулярному перенаправлению с вопросами в различные институции – «куда-нибудь повыше» (с. 88). Нечто подобное можно найти в статье О. Шелест (с. 139–140), а саму ситуацию рассмотреть в качестве дополнительного эффекта вертикали.

В целом заявленные во введении подход и установка на деятельностное отношение к «материалу» во многом защищают исследователей от критики с перспективы, намеченной выше. Тем не менее, обоснование исследования как «исследования действием» может притупить нашу чувствительность к тем терминам и

горизонтам, в каких мы исследуем и воздействуем на исследуемый материал.

Проблемно-ориентированное исследование АГТ малых городов открывает перспективы для дискуссий и придает заметный импульс городским исследованиям в Беларуси. Вместе с тем, такой подход настраивает нас видеть одно и упускать из виду другое, воздействовать на «материал» достаточно однобоко. Авторы говорят о способности культурного политика видеть ситуацию как целое: *«Место «непосредственного действия» культурного политика – тоже в ситуации [по отношению к традиционному политику – С.Л.]. Но вот рефлексия требует охвата пространства норм, образцов, идеалов (пространства культуры), и пространства реализации (ситуации). В деятельность культурного политика включена и работа с нормами, и деятельность по их реализации, и работа по повышению качества материала для обеспечения реализации норм. Таким образом, культурная политика требует удержания большого числа объектов и видов деятельности, а также связей между ними»* (с. 12).

Возвращаясь к вопросу о пространственном воображении: чтобы видеть ситуацию городского развития как целое, нужно не просто видеть идеалы и лакуны, где эти идеалы не реализуются. Нужно и более четко прослеживать зависимость между закономерностями развития социально-пространственных единиц, а также мотивациями и практиками тех, от кого это развитие зависит.

Наконец, призыв «думать Беларусь» не должен отвлекать нас от критического выбора, совершенствования и использования уже испытанных исследовательских стратегий: то, что мы мало знаем о белорусских городах, не значит, что мы ничего не знаем о том, как исследовать города в

целом. В этом смысле книга стала бы еще более сильным продуктом, если бы сумела нащупать и удержать компаративную перспективу. На данный момент ключевая компаративная перспектива в книге – это перспектива БССР / Беларусь.

Литература, которая упоминается в рецензии

1. Водолажская, Т. (2009) «Городские исследования в Беларуси: теоретико-методологические проблемы», *Палітычная сфера*, № 12: 29–44.
2. Егоров, А. (2009а) «История взлета и падения Мстиславского феста», в Т. Водолажская (сост., науч. ред.), *Игра в города: по материалам экспедиций в малые города Беларуси*. Минск: И.П. Логвинов: 175–182.
3. Егоров, А. (2009б) «Малые города: Who governs?», в Т. Водолажская (сост., науч. ред.), *Игра в города: по материалам экспедиций в малые города Беларуси*. Минск: И.П. Логвинов: 117–125.
4. Егоров, А. (2009с) «Малые города на фоне культурных катастроф», в Т. Водолажская (сост., науч. ред.), *Игра в города: по материалам экспедиций в малые города Беларуси*. Минск: И.П. Логвинов: 146–151.